

Хорошо для души

Направленность: Джен

Автор: [shoreleave](#)

Переводчик: [Луали Ллиен \(https://ficbook.net/authors/2915015\)](#)

Оригинальный текст: <https://www.fanfiction.net/s/9562052/1/Good-for-the-Soul>

Беты (редакторы): [Stella Todiluce \(https://ficbook.net/authors/2316633\)](#)

Фэндом: Звездный путь: Перезагрузка (Стартрек)

Пэйринг и персонажи: Джеймс Тиберий Кирк, Леонард «Боунс» МакКой, Спок

Рейтинг: PG-13

Размер: 22 страницы

Кол-во частей: 1

Статус: завершён

Метки: Счастливый финал, Броманс, Космос, Sickfic, Несчастные случаи, Аллергии, Нецензурная лексика, Ангст, Драма, Фантастика, Психология, Hurt/Comfort, Дружба, Упоминания алкоголя

Описание:

Примечания автора: Действие фанфика разворачиваются до событий второго фильма. Несчастный случай во время тестового полёта заставляет Джима столкнуться с некоторыми трудностями в должности нового капитана "Энтерпрайза".

Посвящение:

Посвящаю эту работу моим друзьям из группы Вконтакте "STAR TREK AOS comics translation" и отличной бете. Ребята, вы - лучшие!

Публикация на других ресурсах:

Разрешено только в виде ссылки

Примечания:

Примечания автора: это одиночный рассказ, средненькая хурт/комфорт история, моя попытка вспомнить старенькое после года простоя, в течение которого я ничего не писала для фэндома. Да, здесь я использовала испытанный и верный сюжетный ход - у-Джима-аллергия-на-всё, один из моих любимых. Действие происходит во время тестового полёта "Энтерпрайза", примерно за месяц до событий второго фильма. Наслаждайтесь!

Примечания переводчика:

СМО - chief medical officer - старший медицинский офицер - НМС - начальник медицинской службы.

Друзья, огромное нечеловеческое спасибо всем тем, кто уже воспользовался или решит воспользоваться в будущем функцией публичной беты. Я искренне благодарна за Ваш труд, ценные замечания и вклад в эту работу, потому как переводчик человек, а не компьютер, а человеку свойственно ошибаться. Вы все просто умнички и большие молодцы!

Позиция в популярном по фэндомам:

* Звездный путь: Перезагрузка (Стартрек)

№ 15 Хорошо для души (12 оценок за 7 дней)

* Звездный путь: Перезагрузка (Стартрек)

№ 8 Хорошо для души (16 оценок за 7 дней)

* Звездный путь: Перезагрузка (Стартрек)

№ 5 Хорошо для души (17 оценок за 7 дней)

Хорошо для души

- Знаю, мы уже говорили на эту тему, - сказал Боунс.

Он нахмурился, глядя на показания мониторов над биокроватью, что не очень-то повысило уверенность Джима.

- Но тогда ситуация была чисто гипотетическая. Мне нужно знать, что ты действительно хочешь пройти через подобное испытание, как мы обсуждали раньше.

Что ж. Здравый ответ на этот закидон был бы: «Нет, я передумал. Просто сделай мне очередную обезболивающую инъекцию, и мы подумаем о последствиях позже». Но Джим никогда не отказывался от вызова, и, к тому же, Боунс предложил первым.

Доктор заставил его принять полусидячее положение на биокровати, чтобы он мог хорошенько осмотреть повреждения. Кожа на обеих ногах капитана была красной и воспаленной, усеянная небольшими волдырями, которые тянулись от линии ботинок до середины бедра (и, слава Богу, не выше). Тонкая пленка блестящего геля, размазанная по повреждённым участкам, делала их чешуйчатыми и влажными на ощупь, словно змеиная кожа. Джим согнул ноги в коленях, чтобы не касаться ими твердой поверхности биокровати, потому что ожоги с обратной стороны были ещё сильнее.

«Боже, они выглядели уродливо». Но Боунс клялся, что от ожогов не останется и следа, за исключением небольших пятен на задней стороне бедра и икры, где ожоги были третьей степени. Боунс сделал ему пересадку кожи, пока Джим был без сознания, так что всё, что осталось - пара курсов кожной регенерации, чтобы привести поврежденные места в порядок.

- У тебя ожоги второй степени на двенадцати процентах тела, - сообщил Боунс, когда Джим очнулся. - Технически это считается незначительной травмой. Тебе чертовски повезло.

«Повезло, ничего не скажешь, прямо один случай на миллион - оказаться не в том месте и не в то грёбаное время, если быть откровенным до конца».

Он зашёл в инженерный отсек, чтобы обсудить ремонт катушки подпространственного двигателя со Скотти, когда произошла авария. Энсин, стоявший на коленях в двух метрах от него и разбиравший консоль, - именно он вызвал скачок напряжения; на его счастье парень был одет в защитный комбинезон, - отделался лёгким испугом. Джим считал, что ему повезло, хотя он и не завидовал мальчишке, который, вероятно, проведет следующие два месяца, выполняя самую грязную работу под пристальным наблюдением Скотти.

Неожиданно вырвавшийся снап искр с пульта включил сигнал тревоги, и примерно через две секунды, прежде чем кто-либо успел сообразить, что случилось, что-то ударило капитана по ногам и обожгло. По крайней мере, ему так показалось. Как он понял, клапан охлаждающей жидкости перегрелся,

расплавив уплотнитель, и послал смертоносный фонтан из едкой субстанции прямо в направлении Джима, заставив его ноги помимо воли искупаться в тетрафтористой кислоте. Скотти не пострадал - Джим принял на себя основной удар.

Невольная дрожь пробежала по телу капитана при виде безобразной, распухшей кожи, поэтому он отвёл взгляд от ног и уставился на Боунса.

- Просто сделай так, как я прошу.

- Это не самая приятная процедура, Джим, и она займёт какое-то время. Ты должен это понимать.- Боунс, кажется, твёрдо собрался решить раз и навсегда насущный вопрос, что, честно говоря, не входило в правила хорошего обращения с посетителями лазарета.

Джим хотел бы, чтобы доктор хоть раз сказал всё, как есть, начистоту. Словосочетание «не самая приятная процедура» в его лексиконе чаще всего означало, что «это будет чертовски больно, и не быстро, и, вероятно, вы переживёте такие незабываемые ощущения, которые будут на грани вашего болевого порога».

Джим был явно не в восторге от подобной перспективы, но разве у него был выбор? Разговор начал понемногу выводить его из себя.

- Ради Бога, я даю своё согласие на любые процедуры, хорошо? Мы можем двигаться дальше?

Боунс ничего не сказал. Он явно сопротивлялся такому исходу дела, но Джим не знал, почему. Может быть, он был бы счастливее, если бы Джим просто передумал и попросил сделать укол обезболивающего, но в конечном итоге, это не решило бы главную проблему, не так ли?

- Пошли, - сказал он. - Давай начнем. Я всегда следую рекомендациям моего НМС, ты знаешь...

Боунс фыркнул и закатил глаза.

- Если это правда, то для меня это новость.

Джим улыбнулся.

- Держу пари, что я испорчу тебе всё веселье, если тебе так и не удастся мне сказать, как я глупо поступил.

Боунс нахмурился.

- Поверь мне, раунд ещё за мной. Чья это была дурацкая идея - болтать на расстоянии плевка от неисправной консоли? Твоя или Скотти?

Улыбка внезапно сползла с лица Джима. Он изучил правила безопасности и протоколы ещё в начале тестового полёта - четыре месяца назад, но сам не всегда им следовал. Очевидно, и Скотти тоже.

Они начали разговор на безопасном расстоянии от места ремонтных работ, но потом Скотти захотел указать на некоторые технические моменты в

оборудовании, и они незаметно ушли в сторону... консоль должна была автоматически отключиться, когда произошёл скачок напряжения, но, очевидно, этого не произошло.

- Будет расследование, - сказал капитан, уклоняясь от вопроса Боунса. - Мы предпримем меры, чтобы избежать повторения ситуации в будущем.

Взгляд, который бросил на него Боунс, дал понять, что в словах Джима слышна первоклассная отмазка, и что друг не хочет давать этому делу ход. Пауза затянулась, и Джим понял, почему Боунс так зол: травму можно было предотвратить, а Джим - единственный, кто должен был сделать это. Врач всегда испытывает отвращение к небрежности и глупости, особенно когда они приводят к травмам, и сейчас Джим знал, что у друга есть веская причина сердиться.

Подобное отношение только укрепило его решимость. Он, вероятно, заслужил любое неприятное, медленное лечение, которое Боунс собирался предложить.

- Отлично, - сказал начмед, выглядя так, будто он только что пришел к такому же выводу.

- Это всё, Боунс? - спросил Джим, проводя рукой по лицу в не очень тонкой попытке скрыть усталость. Они должны были стартовать чуть меньше чем через три дня, и он был завален работой - конференциями, совещаниями и последними приготовлениями - под завязку. Большая часть его рабочего времени была посвящена протоколам, дипломатии, инвентаризации и прочей увлекательной бюрократической фигне, и эта встреча не была исключением.

Боунс сам попросил об аудиенции. Как новый главный врач Джима, он хотел проинструктировать капитана по некоторым административным вопросам, которые ему предстояло решить в будущем. Джим внимательно слушал, пока доктор знакомил его с инструментами и оборудованием медицинского отсека, и давал краткий обзор исследований, которые будут проводиться в течение шестимесячного полёта.

Он здесь капитан, поэтому задаёт умные вопросы и делает пометки в папке, но через полчаса Джим закончил со всеми формальностями и был готов покинуть лазарет с чувством выполненного долга. Боунс что-то ещё бубнил о прививках и профилактической медицине, но внимание Джима уже было занято ланчем и непреодолимым желанием выпить чашку крепкого кофе.

- Тебе нужно больше спать, - Боунс хмуро посмотрел на него, качая головой. - Ты такой бледный, что сливаешься со стенами.

- Это из-за формы, - возразил Джим, подавляя зевок. - Никому не идёт к лицу жёлтый.

- Если ты начнёшь засыпать на официальных встречах, это тоже ни к чему хорошему не приведёт.

«Справедливое замечание».

- Мы закончили здесь? - спросил Джим, вставая на ноги и не дожидаясь ответа. - Потому что мне нужно...

- Подожди минутку, - сказал Боунс, поднимая руку. - Мне нужно обсудить с тобой ещё кое-что.

«Конечно, он понимает». Джим смиренно откидывается на спинку стула.

- Всё в порядке. Я тебя слушаю.

- Это касается тебя, Джим. И твоей историй болезни.

Он не может сдержать напряжение на лице. Его история болезни, как хорошо известно Боунсу, не является лучшей темой для разговора. Он знает, что Боунс видит это, и доктор знает, что он знает, поэтому они никогда не обсуждают это. Он уверен, что у Боунса есть вопросы, как у его друга, так и врача, но они всегда старались обходить эту тему стороной. Сейчас они не будут говорить об этом. Не сегодня, когда его рабочий график пестрит важными встречами.

- Сейчас не время, - сказал он и поздравил себя с тем, что его голос не излучает неуверенности.

Он одарил своего главного врача лучшим капитанским взглядом - или тем, что, как он надеялся, являлось хорошей имитацией выражения лица Криса Пайка в последний раз, когда он выгнал Джима с мостика, - и добавил, поднимаясь со стула:

- Спасибо за информацию, доктор.

- Успокойся, - торопливо сказал Боунс. - И садись. Я хочу поговорить о твоей склонности к аллергии.

«О». Чувствуя себя немного глупо, Джим снова уселся на стул.

- А в чем проблема? Ничего нового там нет. Я знаю, каких продуктов следует избегать. Это не проблема.

- Я чертовски надеюсь, что этого не случится, но у тебя аллергия не только на пищевые белки. Проблема в том, что ты склонен подвергать свою импульсивную, склонную к несчастным случаям личность опасности всякий раз, когда у тебя появляется возможность...

- Ладно, мам, - перебил его Джим, закатывая глаза. - Я торжественно клянусь надеть шлем и защитные перчатки, - он сделал паузу. - Не понимаю, какое это имеет отношение к аллергии?

Боунс вздохнул.

- Ну, проще говоря, ты продемонстрировал побочные реакции и повышенную чувствительность к трем основным классам анальгетиков, а твоя сверхактивная иммунная система быстро делает тебя чувствительным к альтернативам. Это ограничивает набор лекарств, которые я могу использовать для помощи тебе.

- Ну и что? Используй какое-нибудь другое средство.

- У меня есть один безопасный, эффективный альтернативный препарат, но ты быстро к нему адаптируешься, если я буду использовать его слишком часто. К тому же, мои запасы не безграничны. Если мы окажемся в сложной ситуации, и ты получишь серьезную травму... - Боунс позволил своему голосу затихнуть, ожидая, пока Джим сам додумает концовку.

Джим был не в восторге от того, на что намекал его друг, но он не был уверен, что знает, что должен делать с полученной информацией. Неужели Боунс думает, что он даст обет - «Больше никогда не попадать в опасные ситуации»? Он скрыл раздражение улыбкой.

- Ты просто слишком сгущаешь краски. Ты хороший врач, самый лучший. Вот почему ты мой НМС. Всё обойдётся.

- Джим, послушай минутку, - Боунс недовольно засопел. - Нам придётся принять превентивные меры. Вот об этом я и хотел с тобой поговорить.

Он выслушал предложения доктора, а затем кивнул в знак согласия.

- Принято. Так мы и поступим.

- Это всего лишь руководство к действию, - сказал Боунс, выходя смущенным. - Мы будем принимать решение в каждом конкретном случае.

Джим встал. Сейчас ему больше всего нужен кофе и сэндвич.

- Хорошо, Боунс. «Держись подальше от опасности, иначе...»

- Перестань придавать случившемуся такое большое значение, - сказал Джим, подтягиваясь повыше на кровати и морщась при переносе веса. - Это не может быть больше, чем когда я обжёгся, верно? Я выдержал всё нормально.

Доктор на минуту перестал возиться с аппаратурой и бросил в его сторону внимательный взгляд.

- Как много из случившегося ты помнишь?

«Хороший вопрос. Не сильно много, если честно».

Он помнил сильную боль в ногах, которая быстро переросла в нестерпимое жжение, едкий запах охлаждающей жидкости, крики людей вокруг. Скотти пришел в себя первым, подтолкнув Джима к аварийной промывочной станции и проорав приказ инженерам немедленно локализовать утечку. Он смутно помнил, как его бесцеремонно лишили всей одежды на нижней половине тела, как его собственные руки неуклюже пытались помочь, пытаясь спустить штаны, которые, казалось, разваливались на части прямо на глазах, открывая длинные пятна красной, быстро набухающей кожи. Его схватили за руки и оттащили в сторону, он услышал чей-то крик, а потом всё стало как в тумане.

«Только в перчатках, жидкость очень едкая!» «Медики уже идут... Направь баллончик сюда, здесь самые серьёзные...» «Всё в порядке, Джим, я тебя держу...»

- Э-э, вспышки и обрывки воспоминаний, - признался он.

- Меня это не удивляет. Успокоительное, которое я тебе дал, может вызывать потерю памяти. Наверное, это благословение для тебя.

Джим уклончиво кивнул. Ему не нравилось думать о том, что именно его команда, должно быть, видела тогда. Он знал, что большая часть криков исходила от него. И стонов тоже.

«Чёрт возьми».

- Начнём, а там, как пойдет, - сказал Боунс, постукивая по трикодеру в руке. - Ожоги, подобные этим, требуют времени. Нужно обработать большую площадь кожи. Вот почему обычно я использую обезболивающее седативное средство для пациента, проходящего такое лечение. Но в твоём случае ...

Джим кивнул и отвёл взгляд. Он всё понимал.

То, что доктор предложил несколько месяцев назад, было просто и понятно: прибереги болеутоляющие на тот случай, когда они действительно понадобятся. Во время незначительных процедур Джим старался обходиться без лекарств.

И вопреки мрачным предсказаниям Леонарда, пока всё шло хорошо. Прошло четыре месяца от начала тестового полёта, и капитан благополучно их провёл. Кроме редких приступов мигрени – «Просто отоспись в своей каюте, Джим, и завтра ты будешь в порядке» - и нескольких растяжений мышц, он держался подальше от медицинского отсека, как и обещал.

До сих пор.

Боунс установил стерильное поле, его руки двигаются уверенно и плавно, когда он настраивал оборудование. Джиму нравилось наблюдать за ним. Его начмед компетентен и эффективен, и хотя он явно всё ещё был зол на друга, его руки делали свою работу мягко и профессионально.

В прошлом у Джима не раз бывали ожоги, и он знал, как их нужно лечить: рассеянный лазерный луч использовался для непрерывной обработки раненого участка кожи, нагревая подкожный слой до самого глубокого уровня ожога - межклеточного. Стимуляция вызывала приток нейтрофилов и макрофагов к месту повреждения. Фибробласты и грануляционная ткань росли с ускоренной скоростью, кровоток увеличивался, и заживление происходило гораздо быстрее. Это ни в коем случае не было альтернативой «регенерации», но процедура сокращала время заживления в четыре или более раз.

Но он не нуждался в Боунсе, чтобы тот просветил его, что на ожоге, который болезненно чувствителен, использование лазерного луча будет тяжёлым испытанием.

Он не ждал процедуры с нетерпением. И все же ему не в первый раз

приходилось расплачиваться болью за ошибки. Дядя научил его этому уроку давным-давно.

Однако он запаниковал, когда Боунс начал подготавливать специальные удерживающие ремни.

- Убери их. Мне они не нужны, - натянуто сказал Джим.

- Лечение не будет эффективным, если ты не будешь лежать неподвижно, - ответил ему Боунс, без колебаний затянув один из ремней на правой лодыжке Джима. - И да, это правда.

- Я не сдвинусь с места. Не используй на мне эти штуки, - Джим почувствовал, как сердце начало бешено колотиться в груди.

Боунс поднял глаза к монитору, так что он, очевидно, тоже увидел реакцию Джима. Когда он снова посмотрел на друга, его взгляд был полон заботы и немного вопроса. Джим плотно сжал губы, и почувствовал, как челюсти свело от напряжения, но он не намеревался немедленно удовлетворить любопытство доктора.

Боунс подождал ещё какое-то время, затем покачал головой, словно извиняясь.

- Прости, но это не обсуждается. Мне не нужно, чтобы ты боролся со своими моральными принципами и повышал кровяное давление только из-за того, что считаешь себя слишком сильным, и думаешь, что не нуждаешься в небольшой помощи.

- Я сильнее, чем ты думаешь!

Джим попытался отдернуть ногу, но доктор крепко схватил его за руку.

- Я не собираюсь рисковать и прерывать программу лечения только для того, чтобы спасти твоё эго.

Джим негодовал. Он почти уверен, что его кровяное давление так или иначе поднялось, так как он пытался подавить в себе желание вздрогнуть всякий раз, когда Боунс затягивал один из ремней. Когда доктор отступил назад, Джим не смог удержаться, чтобы не поправить ремни, чувствуя, как они давят.

Немного.

«Боже, как он ненавидит медицинские процедуры. И врачей».

Боунс опустил биокроват так, чтобы Джим лежал на спине - отлично, теперь он чувствует себя ещё более беспомощным - и начал процедуру заживления.

- Начнем с правой ноги. Мне нужно будет менять твоё положение каждые двадцать минут или около того.

- Отлично, - скрипнул зубами Джим. Он уже начал чувствовать слабый жар луча, медленно скользящего от лодыжки до бедра, а затем в обратную сторону.

- Ну, вот и всё. Постарайся расслабиться и дыши спокойно.

Джим закрыл глаза.

Луч медленно скользил по ноге снизу вверх, потом сверху вниз. Это не доставляло ему никакого дискомфорта, было просто тепло. Как будто волна жара постепенно распространялась по коже. Больше всего нагревалась кожа, которая была повреждена.

Капитан пытался думать о чём-то другом.

Джим вспомнил о первом помощнике. Он не видел Спока с момента аварии, хотя один раз говорил с ним, сразу после того, как пришёл в сознание. Спок казался соответствующим моменту - обеспокоенным, задавал вопросы о его травме и лечении, заверил его, что он будет наблюдать за расследованием аварии, и пожелал ему скорейшего выздоровления. Именно то, что нужно сказать. Кроме...

Несмотря на то, что они так тесно работали вместе в течение последних четырех месяцев, не говоря уже об их совместном боевом крещении в инциденте с Нарадой, Джиму всё ещё трудно было найти с ним общий язык.

Спок выглядит всегда таким сдержанным, таким профессиональным, что Джим постоянно чувствует, что должен соответствовать его уровню. Или Спок просто ждет, когда он совершит ошибку, чтобы точно указать, где Джим поступил неправильно и почему.

Что он и не преминул сделать вчера, на самом деле.

- Возможно, если бы вы чаще совещались с начальниками отделов, капитан, и читали углубленные отчёты, а не сокращенные версии, представляемые на брифингах, вы были бы лучше осведомлены и принимали правильные решения.

Когда Джим логично заметил, что краткие отчёты составляют главы отделов, чтобы спасти капитана от тонн ненужной информации, Спок только поднял бровь, затем кивнул, сцепив руки за спиной.

- В таком случае, сэр, - сухо сказал он, - позвольте мне помочь вам разобраться в некоторых технических вопросах, поскольку я ваш начальник научного отдела, и читал все отчёты без сокращений.

Джим не мог сказать ничего такого, что не выставило бы его ослом перед командой мостика, кроме:

- Конечно, Спок. Спасибо.

- Всегда пожалуйста.

Его бесило, что Спок иногда заставляет его чувствовать себя импульсивным подростком, чьи пальцы так и чешутся, чтобы ударить собеседника по лицу, за неимением других аргументов.

Хорошо, что Крис Пайк не слышал ни этот разговор, ни дюжину других, похожих. Он знал, что сказал бы адмирал: «Джим, очевидно, не готов быть капитаном чего бы то ни было, если он не может выдержать даже небольшую критику, и что Джим должен научиться взаимодействовать со своей командой».

Но если быть честным с самим собой, то подобная проблема решаема. Речь не

идёт о принятии критики или сравнении себя с его смехотворно умным и компетентным первым офицером. Дело даже не в недостатке опыта.

Он просто чувствовал, что между ними чего-то не хватает, какой-то теплоты или привязанности, которая должна быть, но её нет.

Он ощущал нечто подобное с тем, другим Споком. Невозможно было ошибочно истолковать чувство, испытываемое им, никак иначе, как сильная любовь - скорее всего, любовь - старого вулканца к своему Джиму Кирку, и ему не нужно было быть для этого плохим парнем, чтобы показать настоящую силу чувств.

Джим провел долгие часы, ломая голову над их недолгим знакомством на Дельта Вега, анализируя каждый запомнившийся жест и нюанс. Старый Спок не считал проявление эмоций слабостью, и для него, похоже, не было проблемой признаться в этом Джиму, когда он ошибался или был не уверен. Джиму он нравился.

Может быть, это просто придёт с возрастом или зрелостью. Его Спок намного моложе. А может быть, внезапно подумал он, проблема в нём самом.

Эта мысль вызвала у него в душе укол тревоги, но с другой стороны это было... правдой. Видит Бог, ему достаточно часто говорили, что от него одни неприятности. Половина его одноклассников в Академии терпеть его не могла. Даже у Боунса, который знал его лучше, чем кто-либо другой, есть длинный список недостатков его характера, которые он регулярно обсуждает с ним вслух.

Может быть, он просто слишком испорчен, чтобы Спок мог подружиться с ним. Он агрессивен, не уверен в себе, даже иногда враждебен. Спок, вероятно, просто не любит его. Ему должно быть наплевать на сложившуюся ситуацию, но, черт возьми, ведь это не так, ведь ему не всё равно.

Он потратил много часов, думая о другой временной линии, той, которая должна была быть у него, той, где отец гордился им и провёл рядом всё детство, а его брат никогда не убежал из дома. Той, где мать не воспользовалась первой же возможностью вырваться из тисков одинокого материнства и гнетущих воспоминаний, где они навещали дядю Фрэнка раз в год и не чаще, где его никогда не отправляли жить за пределы планеты. Там он рано поступил на службу в Звездный флот, продвигался по карьерной лестнице, как и подобает капитану, и со временем доказал свою состоятельность.

Что тот Джим Кирк, вероятно, был лучше, чем он, думал капитан. Он мельком видел его глазами другого Спока, и те воспоминания до сих пор оставались в памяти. Он был идеалистом и волевым человеком, уверенным в себе и знавшем своё место в жизни, уважаемым сверстниками и обожаемым начальством. Любим своей командой. Тот другой капитан Джеймс Кирк, должно быть, был абсолютной противоположностью Джима, и, возможно, именно поэтому он и Спок стали такими большими друзьями.

Тот другой Кирк, вероятно, никогда не попал бы в подобное положение, в котором он сейчас оказался, привязанный к биокровати из-за своей же глупой неосмотрительности.

Луч снова ожил, двигаясь мимо голени вверх по колену, но когда он попадал на нижнюю часть бедра, то внезапно становился горячим. Джим напрягся, ожидая,

не станет ли хуже, но ничего не происходило.

Но потом цикл запустился снова, и на этот раз мурашки начали пробегать не только от соприкосновения с наиболее пострадавшим местом, но и от всей области, что выше колена. Луч был похож на движущуюся волну горячего воздуха, и когда он попадал на обожженные участки, то вызывал резкие и прямо-таки болезненные ощущения. Его нога непроизвольно дёрнулась, и он должен был признать, что Боунс был прав, решив привязать его. Между концом прохода луча до середины бедра и началом нового цикла - чуть выше лодыжки, оставалась всего секунда.

«Оу». Он почувствовал, как по спине стекают капельки пота. Некоторые участки обожженной кожи были более чувствительны, чем другие, и когда луч проходил над ними, Джиму приходилось прилагать все усилия, чтобы сдержать стон.

- Не задерживай дыхание, Джим, - услышал он тихий голос Боунса, неожиданно напугавший его. Он открыл глаза. Доктор был там, где и раньше - сидел в ногах кровати и смотрел на него с беспокойством. - Просто сосредоточься на дыхании. Вдох и выдох, старайся дышать как можно ровнее.

- Всё в порядке, - пробормотал Джим. - Всё в порядке. Всё не так уж и плохо. - «О, чёрт возьми». Не пришёл же Боунс потому, что сенсоры заметили его борьбу с самим собой.

- Хочешь воды?

- Нет, я просто хочу, чтобы ты ушёл. Со мной всё в порядке. Ты можешь ... - он сделал глубокий вдох, стараясь скрыть напряжение в голосе. - Ты можешь вернуться в свой кабинет. Я вызову тебя, если мне что-нибудь понадобится.

«Чёрт возьми, ему больно, но он не имеет права показать это».

- Ты уверен? Я могу...

- Я уверен, - сказал Джим слишком поспешно, его голос немного дрогнул.

Боунс нахмурился.

- Тебе не нужно ничего никому доказывать, малыш.

- Я ничего тебе и не пытаюсь доказать, ясно? - луч скользнул по колену - «Дерьмо, дерьмо, дерьмо» - он сделал глубокий вдох, прежде чем продолжить. - И мне не нужно, чтобы ты нянчился со мной, как с ребенком!

Боунс выглядел обиженным, и Джим почувствовал укол горько-сладкого удовлетворения. Хорошо. Может быть, теперь он уйдет.

- Я не это имел в виду, и ты это знаешь.

- Возвращайся в свой кабинет, Боунс. Пожалуйста. Поработай с отчётами или с чем-нибудь ещё. Оставь меня в покое.

Он снова закрыл глаза и прислушался. Боунс не двигался с места целую бесконечную минуту, но затем Джим услышал скрип стула, доктор поднялся,

торопливо шаркая ботинками по полу, и вышел из палаты.

Джим вздохнул с облегчением.

Боль - это личное.

Шаги вернулись через некоторое время, как раз когда луч выключился.

- Ладно, Джим, пора заняться второй ногой.

«Слава Богу». Он кивнул в ответ, не веря, что может нормально говорить.

- Как ты себя чувствуешь?

- Отлично, - выдавил он. В любом случае, это спорный вопрос, так как глаза Боунса были сосредоточены на экране биокровати, который, без сомнения, показывал во всех подробностях, насколько «отлично» чувствует себя Джим.

- Угу, - сказал он, что на языке Боунса означает, что «ты - лживый дурак, но я не собираюсь называть тебя так». - Ну ... не так уж и плохо, правда? Ты готов к следующему раунду, или тебе нужно обезболивающее?

- Никаких обезболивающих.

- Тогда увидимся через двадцать минут.

Дубль два.

Он получил небольшую передышку перед следующим сеансом. Боунс освободил ему ноги от ремней, нанёс гель и слегка перевязал их. На этот раз он не задавал никаких вопросов, просто дал Джиму немного воды, которую тот жадно проглотил, как будто пробежал марафон.

Джим осторожно лёг на живот, положил ноги на матрас, но они не болели. В геле должно быть какое-то местное обезболивающее, подумал он с облегчением.

- Этот сеанс... - Боунс проговорил немного неуверенно, но Джим не видел его лица, так как доктор был занят тем, что снова фиксировал ему ноги, - может быть немного сложнее. Ожоги сильнее на тыльной стороне ног, поэтому кожа там будет более чувствительна.

Джим просто кивнул в ответ.

- На этот раз я останусь с тобой. Я хочу более внимательно проследить за процессом восстановления.

- Тебе вовсе не обязательно этого делать.

После паузы Боунс ответил:

- Ты не должен проходить через подобное испытание в одиночку.

Джим не мог понять, почему Боунс хочет остаться, или как он думает помочь этим Джиму. Его никогда не баловали, когда он болел, и уж тем более никто не

хотел сидеть с ним, когда он лежал в кровати. Он всегда черпал силы из одиночества. У него были стены уверенности в себе и гордости, которые поддерживали его, когда он сражался один на один с проблемами. Мысль о том, что его друг будет сидеть рядом и наблюдать, в то время как он будет вздрагивать, стискивать зубы и пытаться игнорировать боль... заставляла его поёжиться от нехорошего предчувствия.

Но Боунс всегда был чертовски упрям, а это значит, что ему придется использовать козырь покрупнее.

Он почувствовал, как первое, безобидное прикосновение лазера начало медленно скользить вверх по задней части его икры. Оно приятное и тёплое, как солнце в жаркий летний день. Он знает, что у него есть максимум семь или восемь минут, прежде чем оно превратится в адский огонь.

- Всё не так уж и плохо, - пробует он усыпить бдительность друга, кладя голову на руки. - Я уже начинаю к этому привыкать. Ты можешь вернуться в свой офис.

- Я просто посижу здесь и посмотрю, - проговорил Боунс из-за его спины, невыносимо спокойным голосом.

- Боунс...

- Ты куда отсюда не денешься, малыш. Так что не нужно бессмысленно колебать воздух.

- Это грёбанный приказ, доктор Маккой, - огрызнулся Джим, поворачиваясь так, чтобы видеть собеседника краем глаза.

- Ты же знаешь, что не можешь отдавать приказы, когда находишься под моим присмотром, капитан.

- Разве у твоих пациентов нет никаких прав?

- Нет, почему же, какие-то права у них определённо есть, - ответил Боунс. - Но когда, по моему медицинскому заключению выходит, что их желания не в их интересах, тогда о подобных вещах не может быть и речи. Я здесь главный.

Капитана всегда забавлял тот факт, что у Боунса эго размером с хороший такой звездолет. Когда лечение закончится, ему придется откровенно поговорить со своим НМС о пределах его полномочий.

- Чёрт побери, Боунс, оставь меня в покое хотя бы на несколько минут! - выдавил он сквозь сжатые зубы. - Я в порядке, хорошо?

- Ты не в порядке! Тебе больно. Любой идиот это поймёт.

- Мне не больно, - во всяком случае, пока что. - Если мне будет больно, я дам тебе знать.

- Я могу научить тебя делать кое-какие дыхательные упражнения, которые помогут справиться с болью.

-Ты действительно никого не слышишь, кроме себя, не так ли? - огрызнулся в

ответ Джим. - Мне не нужно, чтобы ты каждую минуту следил за мной и напоминал, что я должен правильно дышать!

- Ты действительно не хочешь, чтобы я был здесь? - спросил Боунс, в его голосе слышалось недоверие. И боль. Определённо.

- Нет, я действительно не хочу, дай мне немного чёртова уединения.

Пауза.

- Тогда я буду в своём кабинете. Иногда ты можешь быть таким мудаком, знаешь, Джим?

Джим утвердительно кивнул в ответ. «Да. Он всё прекрасно знает».

Тот другой Джим Кирк ... он, наверное, никогда не отталкивал своих друзей. Вероятно, он не стыдился признаться, что ему иногда тоже нужна помощь.

По правде говоря, он очень обижен на того парня. И немного завидует ему. Боунс прав. Этот цикл ещё хуже.

Он мог бы попросить обезболивающее. Наверное, ему следовало бы попросить лекарство, потому что только самый настоящий идиот стал бы страдать просто так. Он с трудом блокировал боль, и даже его душевные силы не бесконечны, а это говорило о многом.

Теперь он уже и сам не понимал, почему так упрямо цеплялся за свой выбор. Боунс думает, что он пытается что-то кому-то доказать, но это не так. Адмиралтейство, конечно, следит за каждым его шагом, как и первый помощник, но никто из них не видит, через что он проходит каждый раз, оказываясь на грани жизни и смерти, и не похоже, что их вообще беспокоит его болевой порог или склонность к аллергии.

Это даже не наказание - страдать за недопустимую халатность в инженерном отсеке. Может быть, он и заслуживает немного боли в качестве урока за глупость, но не столько же.

Ему просто необходимо... чувствовать, что он жив, что он может справиться с любыми трудностями, и не приходиться в ужас от «подарков» Вселенной. Судьба сдала ему плохие карты, некоторые из них - наихудшие, но это никогда не расстраивало его слишком долго. Он всегда поднимался и продолжал идти к цели, даже когда окружающим было всё равно. Это стало предметом его гордости: он может принять удар на себя, закрыть грудью более слабого, прыгнуть в пропасть с головой... и никогда не пожалеть о содеянном.

Ему часто приходило в голову, что его философия жизни серьезно испорчена, и, возможно, даже граничит с мазохизмом.

Если бы Спок знал о его жизни больше, чем написано в личном деле, то он, несомненно, сказал бы, что он ведет себя нелогично и безответственно, не говоря уже о том, что капитан не видит дальше собственного носа, и что нет ничего героического в саморазрушении. Крис Пайк, вероятно, узнав некоторые пикантные подробности из его жизни, немедленно забрал бы «Энтерпрайз» прямо у него из рук. Боунс мог совсем перестать с ним разговаривать, а когда к нему снова вернулся бы дар речи, он начал бы кричать до хрипоты, рассказывая Джиму, какой он дурак и осел.

Однако ... теперь он чувствовал трепет гордости, лежа в одиночестве на биокровати, дрожа от жгучей боли, и волевыми усилиями преодолевая её.

Трудности пошли примерно через пятнадцать минут после начала третьего сеанса.

Тошнота нарастала уже несколько минут, и он пытался сдерживать её, как мог, но у Джима всегда был рвотный рефлекс, когда он испытывал слишком сильную боль. Хорошего мало, но ничего не поделаешь.

Он, по крайней мере, мог перегнуться через край кровати, так что содержимое его желудка по большей части оказалось на полу. Его вырвало еще несколько раз, и теперь он чувствовал себя ещё хуже, потому что ноги горели огнём, в горле першило, а во рту был нехороший привкус.

Он застонал, гадая, заметил ли кто-нибудь его телодвижения. Он сейчас лежал не в главном отсеке лазарета, здесь не было медсестер или других пациентов, чтобы позвать на помощь, даже если он захотел бы, чтобы ему помогли. Боунс, вероятно, следит за его жизненными показателями из своего офиса, но он не был уверен, что обычная рвота заставит его сильно волноваться. И после всего того, что Джим совсем недавно ему наговорил, он, вероятно, будет не особо спешить ему на помощь.

Он поднял голову, чтобы отвернуться в другую сторону, по крайней мере, подальше от отвратительного запаха, но внезапно до его затылка дотронулась прохладная рука, помогающая ему.

- Расслабься, малыш, всё под контролем, - услышал он.

- Откуда ты взялся? - Боунс внезапно оказался рядом с ним, хотя он должен сейчас сидеть в своём офисе.

- Я никуда и не уходил. Я был здесь недалеко, - ответил он, и Джим только сейчас заметил стул, спрятанный за занавеской биокровати.

«Да пошёл ты». Он снова опустил голову на матрас. Он должен был догадаться, что Боунс настолько упрям, что не уйдёт так просто. Прекрасно. Док наблюдал, как Джим потеет, дрожит и блюёт.

- Расслабься, - снова сказал Боунс, и прохладной влажной тканью вытер ему лицо.

Джим почувствовал себя хорошо, но долгожданное облегчение не наступало из-за боли в ногах, которую он был не в силах прекратить.

- Не могу расслабиться, - бормотал Джим. Луч, кажется, специально искал самое чувствительное место на задней стороне бедра, и при каждом его прикосновении кулаки Джима рефлекторно сжимались.

- Я знаю, что это больно. Просто потерпи ещё немного.

- Жжётся немилосердно. Мне плохо. Пожалуйста. Сделай так, чтобы боль прекратилась, пожалуйста... - «о чёрт», теперь он молил о пощаде.

- Осталось всего несколько минут, - голос Боунса был сейчас низкий и

успокаивающий. - Ты прекрасно справляешься.

Это уже слишком. Он измучен и несчастен, и спокойное сочувствие Боунса доводило его до крайности.

- Больше не могу, - выпалил он.

- Да можешь, малыш. Не сдавайся сейчас.

- Нет! - он задышал чаще, и ему приходилось напрягаться, чтобы выдавливать из себя слова. - Дай мне что-нибудь, ладно?

- Цикл почти закончился. Просто потерпи ещё три минуты. Ты ведь сможешь столько продержаться, правда?

- Нет... не знаю, - Джим сильно зажмурился, в то время, как его снова и снова обжигало безжалостное жало лазера.

Рука Боунса крепко сжала его руку, и пальцы друга обхватили крепко стиснутый кулак Джима.

- Подожди ещё немного, Джим. Потом сам же будешь доволен результатом.

- Полный отстой, - простонал Джим, чувствуя себя одиноким и взбешённым. Он чувствовал, как пот стекает по лицу, по шее. Тошнота ещё гнездится в желудке, и всё, о чём он может сейчас думать - он практически умолял друга избавить его от страданий, и Боунс сказал: «Нет».

- Мне очень жаль. Ты прав, это отстой. Но всё уже почти закончилось. Ещё две минуты.

Боунс отсчитывает каждые пять секунд, и Джим хватается снова его руку и неистово сжимает. Луч, наконец, отключается, и Джим в изнеможении падает на биокровать.

- Остался ещё один сеанс, - говорит Боунс. - Отдохни немного, пока я всё подготовлю.

Теперь, когда Джим больше не ощущает боли, он чувствует, как его щеки краснеют от смущения.

«Господи, неужели он действительно умолял Боунса вырубить его, и при этом держал за руку, как девчонка?»

- Думаю, будет лучше, если ты отсюда уйдёшь, - тихо проговорил он.

Боунс тяжело плюхнулся на стул.

- Да знаю я, чего ты хочешь. Но видишь ли, в чём дело... - он выдержал театральную паузу. - Мне насрать!

- Что?! - его НМС - чёртов диктатор.

- Я останусь с тобой.

- Нет, не бывать этому, - сказал Джим так решительно, как только мог. - Мне

легче справиться с болью, если рядом никого нет.

- Джим, - вздохнул Боунс. - Кончай нести чушь. Я знаю, что ты предпочитаешь, чтобы тебя никто не видел, когда ты уязвим. Но я врач. Подобное - часть моей работы. И я не могу спокойно смотреть, как ты проходишь через мучения в одиночку, когда я могу хоть чем-то помочь!

- В том-то и дело, - настаивал на своём Джим, желая, чтобы Боунс понял наконец-то его позицию. - Ты не помогаешь мне, а наоборот - только усложняешь дело.

Боунс выглядел грустным, таким Джиму приходилось видеть его нечасто. Он видел его сварливым, злым, надменным, саркастическим, пьяным и даже несколько вариантов возбужденного и счастливого, но Боунс не часто бывал печален.

На несколько секунд Джим почувствовал себя виноватым, но только на несколько.

- Я не нуждаюсь в том, чтобы меня опекали, - объяснил он в который раз.

- Не опекали, - поправил Боунс, - а помогали, поддерживали, успокаивали.

Джим сделал глубокий вдох. У него больше не было сил спорить.

- Просто дай мне уже болеутоляющее.

- Нет.

Он повернул голову в сторону Боунса, чтобы лучше видеть доктора.

- Чего ты хочешь от меня? Я всего лишь прошу сделать укол!

- Ты и без него зашёл слишком далеко, - упрямо ответил Боунс. - Ты выдержишь ещё один сеанс. Знаю, это больно, но я уже дал тебе сегодня дозу обезболивающего. Ты уже выбрал лимит на сегодня.

Джим почувствовал, как предательские слёзы начали щипать в уголках глаз, и единственное, что он мог сейчас сделать - улыбнуться.

- Ты садист, знаешь?

Боунс вернул улыбку другу.

- А ты сильнее, чем думаешь, человек.

У Боунса, похоже, не было ни стыда, ни совести, раз он решил ответить другу в подобном саркастическом тоне.

- Ладно. Давай поскорее покончим с этим.

Когда лазер начал свою немилосердную работу, Боунс стал рядом с кроватью Джима, и положил руку ему на плечо, когда капитан начал непроизвольно вздрагивать.

Возможно, он и облегчил страдания друга, но в тоже время чувство унижения и раздражение никуда не пропали.

- Просто заткнись, - прорычал Джим после нескольких минут инструктажа Боунса.

- Сосредоточься на дыхании, - невозмутимо продолжил Боунс. - Дыши вместе со мной. Вдохни и задержи дыхание... выдохни.

«Будь всё проклято, если он не прав. Упражнения действительно помогают отвлечься, на полминуты, вдох и выдох».

Ближе к концу процедуры Боунс снова начал отсчитывает секунды, и Джим поймал себя на мысли, что слушает с благоговением голос доктора, предвкушает его, наслаждается им.

- Знаю, знаю, скоро всё закончится, Джим. Восемьдесят пять секунд... скоро... семьдесят, всё почти закончилось...

Рука Боунса, должно быть, уже затекла. Джим подумал, сможет ли его друг потом пошевелить пальцами.

- Тридцать секунд... ты молодец, Джим, пятнадцать секунд... всё закончилось...

Джим отключился прежде, чем Боунс успел ослабить ремни на биокровати.

Он проспал целую ночь, и пробудился как раз перед Альфа-сменой, не понимая, где он находится. Боунс переместил его биокровать обратно в главный лазарет, понял он, и укрыл одеялом. Он всё ещё ощущал небольшой дискомфорт в ногах, словно по ним бегали мурашки, а в целом неплохо - у него больше ничего не болело.

Доктор появился в лазарете как раз, когда Джим хотел отключить капельницу или, по крайней мере, пытался это сделать. Он выглядел бодрым и полным сил, а его возмущённый голос можно было услышать даже в дальнем конце медотсека. От неожиданности Джим замер на месте.

- Куда это ты собрался, капитан? Я ещё не отпускал тебя.

- Сними с меня эту штуку, - Джим настойчиво постучал по прибору, прикрепленному к его руке, затем протянул её доктору. - Нужно отсоединить вот здесь. Ты знаешь, как это сделать.

Боунс посмотрел на монитор над биокроватью, затем скрестил руки на груди и покачал головой.

- Здесь стоит защита именно от таких идиотов, как ты, с шилом в одном месте. Капельницу может отключить только кто-нибудь из медицинского персонала. И я сниму её, когда придёт время, и ни минутой раньше. Твой организм страдает от обезвоживания и потери электролитов.

- Моё дежурство в Альфа-смену, - проворчал Джим. - Можно как-то ускорить процесс?

- У тебя нет сегодня смены, так что ложись и отдыхай. Я освободил тебя от дежурства на следующие сорок восемь часов.

Джим по опыту знал, что ублажить или уговорить своего начальника медицинской службы совершенно невозможно, когда речь заходит о медицинских вопросах, - а после вчерашнего он может хоть до второго пришествия приказывать, кричать и умолять выписать его поскорее, - и ему не особенно хотелось, чтобы НМС отчитывал его перед пациентами и медперсоналом лазарета, поэтому он умолк. Пока что.

На самом деле ему нечего было сказать.

Он не жаловался, пока Боунс проверял раны и наносил заживляющий гель. Он с удовольствием отметил про себя, что волдыри стали меньше, а ожоги уже не такие опухшие и красные, как раньше. Когда медсестра принесла ему поднос с завтраком, он съел всё и даже не пожаловался на отсутствие кофе. Боунс на это только приподнял бровь, но промолчал.

Но когда Джим покорно принял все его указания, как вести себя следующие два дня, Боунс не выдержал.

- Да что с тобой такое? - спросил он, подозрительно наморщив лоб. - Ты слишком молчалив. И покладист.

Джим пожал плечами.

- Кажется, так ведут себя образцовые пациенты.

- Это на тебя не похоже.

- Я надеюсь получить послабление режима за хорошее поведение, - сказал он с усмешкой, но Боунс в ответ нахмурился ещё больше.

- Послушай, я просто немного устал после вчерашнего. Извини, что я не ною и не выпендриваюсь, как обычно, ладно? Обещаю, что в следующий раз я стану занозой в твоей заднице.

- Знаешь, Джим, тебе не нужно чувствовать себя неловко из-за того, что случилось вчера.

«Да он читает мои мысли». Он начал тихо ненавидеть своего НМС.

- Почему ты думаешь, что я чувствую себя неловко?

Боунс издал смешок.

- Брось, Джим, я давно тебя знаю. Последнее время ты не мог думать ни о чём, кроме нашего вчерашнего разговора, и, скорее всего, мысленно вил из себя верёвки.

- Нет, ты не знаешь это на сто процентов! - под осуждающим взглядом Боунса он

немного стусевался. - Ну, во всяком случае, ты прав, но не совсем.

- Так вот, где собака порылась.

Боунс сделал шаг в сторону друга, но Джим поднял руки в предупреждающем жесте.

- Проехали, Боунс. Нам не обязательно именно сейчас обсуждать мои ментальные проблемы.

- Знаешь, случившееся не делает тебя хуже, чем ты есть на самом деле.

- Я знаю. Так что брось докапываться.

Боунс выглядел так, будто он принял слова Джима на веру, но затем всё-таки решил продолжить разговор и прочистил горло.

- Дай мне высказать то, что я думаю, а потом можешь идти на все четыре стороны.

У Джима возникло неприятное ощущение, что доктор заранее планировал и репетировал свою маленькую речь, но Боунса было не остановить, когда ему приходила в голову какая-то идея, поэтому он просто кивнул, собираясь с духом.

- Ты станешь самым лучшим капитаном, если научишься, хотя бы иногда, принимать помощь от других. Подобное качество не делает тебя менее лидером.

Джим кивнул в знак согласия.

- Ты совершенно прав. Я понимаю.

- Я еще не закончил, - сказал собеседник, и даже не повышая голоса, Боунс ухитрился придать ему достаточно властности, чтобы Джим испытал невольный трепет. - Дело не в том, чтобы получить место капитана, во что бы то ни стало. Всё дело в тебе, Джим, в том, как ты видишь себя по жизни.

Боунс опустил на стул, стараясь смотреть Джиму прямо в глаза. Он подождал, пока друг посмотрит на него в ответ, а затем продолжил:

- Стрдание в одиночестве не имеет никакой ценности. Оно никому ничего не доказывает, и не делает тебя сильнее, или нечто другое в этом же духе, в чём бы ты там себя ни убеждал. Может быть, когда ты был моложе и жил сам по себе, это было то, что ты должен был делать, чтобы выжить, и это помогло тебе тогда, потому что у тебя не было выбора.

Джим отвернулся. Он чувствовал себя незаслуженно разоблаченным, как в прямом, так и в переносном смысле. Почему Боунс хочет поговорить с ним сейчас, в ярком свете лазарета, когда Джим не в самой лучшей форме?

- Но ты больше не одинок, - продолжил Боунс, и хотя Джим отвёл взгляд, он не мог не признать, что его друг говорит правду. - Я здесь ради тебя. Если тебе больно, это не значит, что ты слаб, Джим, и не значит, что ты не должен принимать помощь.

- Мне тоже так кажется, - тихо ответил капитан.

- Ну, тогда тебе нужно о многом подумать. Потому что на звездолёте уединение – непозволительная роскошь, и твоя команда должна видеть в тебе обычного человека, а не супермена. Дай этим молодым мужчинам и женщинам образец для подражания, кого-то, с кем они могут идентифицировать себя. Позволь им увидеть твои недостатки, и они будут менее критичны к своим собственным.

- У тебя есть на примете какие-нибудь мои особые недостатки? - кисло спросил Джим.

Боунс криво усмехнулся в ответ.

- У тебя богатый выбор. Сам решай, с чего начать.

- Так и знал, что ты это скажешь.

- И ещё кое-что, - Боунс встал со стула, и Джим неохотно обернулся, чтобы встретиться с ним взглядом. - Ты всегда можешь посоветоваться со мной, малыш. Ты ведь это знаешь, правда?

Джим знал, что доктор имел в виду, и почему он говорит намёками.

- В космосе всё не так просто. Это тебе не Академия. Теперь ты мой НМС. Один из множества офицеров.

- Верно, но время от времени я нахожусь не на дежурстве, и ты тоже.

«Не на дежурстве»? А теперь к чему он клонит? Он ощущал себя капитаном двадцать четыре часа в сутки. У него никогда не было достаточно времени, чтобы понаблюдать за Крисом Пайком, чтобы понять, как другой капитан справляется со своей работой. Но, чёрт возьми, он действительно частенько скучал по тем светлым временам в Академии, и по их дружеским посиделкам с Боунсом.

Он вздохнул. Даже капитанам нужна передышка, подумал он.

- Ты хочешь отпраздновать удачное завершение лечения рюмкой чая?

- Чуть не забыл, мне удалось пронести на борт кое-что, - на вопросительный взгляд Джима доктор поспешно объяснил: - Я не очень люблю пить в одиночестве. У меня был один друг в Академии, но в последнее время он очень занят. Я решил, что подожду, пока он освободится.

Джим ухмыльнулся.

- Ну, пока его нет рядом, я с успехом могу занять его место. Если хочешь знать.

Джим прикрыл рот рукой, стараясь смеяться как можно тише. Боунс лишь улыбнулся ему в ответ.

- Давай иди уже, неугомонный спиногрыз. Я буду здесь вечером.

Джим был на полпути к двери, когда остановился, а затем резко обернулся.

- Э-э, Боунс...

- В чём дело?

- Спасибо тебе за всё. Я серьёзно.

Выражение лица Боунса смягчилось.

- Не за что, малыш. Именно для этого я тут.

Джим чувствовал себя немного неловко, выходя в коридор в одних шортах и черной футболке, босиком, с ногами, покрытыми блестящим гелем, но он напустил на себя важный капитанский вид и благополучно вернулся к себе в каюту, не потеряв по дороге достоинства.

Как только дверь за ним закрылась, на столе раздался свист коммуникатора.

- Да, Мистер Спок.

- Рад слышать, что вас выписали из лазарета, капитан.

- Радоваться тут нечему, поверьте.

- Как вы себя чувствуете?

Джим удивился. Он уверен, что Спок уже просмотрел отчет о его выписке из лазарета - и, вероятно, даже отслеживал его передвижения по корабельным коридорам, так что он точно знал, когда Джим прибудет в каюту - и у него не было никакой логической причины спрашивать своего начальника о здоровье. Но Спок, похоже, был искренне обеспокоен.

- Я в порядке, - машинально ответил он.

- Это... приятно слышать, - невозможно было отрицать, что в голосе Спока прозвучала изрядная доля скепсиса.

«Чёрт возьми».

«Может быть, Боунс был прав»?

- Вообще-то, - вздохнул капитан, - мне до сих пор больно ходить, и я очень устал.

- Понятно, и, конечно, этого следовало ожидать. Сам я никогда не испытывал ожогов...

Джим весело засмеялся.

- Будем надеяться, что и не придётся. Лечение - это вам не увеселительная прогулка. Мягко говоря.

- Действительно. Инженерная служба завершила расследование инцидента. Я пришлю вам краткое изложение доклада, - он сделал паузу. - Или полный технический отчет, если хотите.

- Достаточно и краткого, Спок. Я вам доверяю, - да, он понимал, какое облегчение знать, что его поддерживает такая спокойная компетентность.

- Я просто подумал, что вы могли бы предпочесть длинную версию, так как у вас наверняка будет больше свободного времени, пока вы не вернётесь на службу.

- Только краткое изложение, спасибо.

- Я также взял на себя смелость составить список документов и журналов, которые должны быть заполнены в течение следующих двух недель. Возможно, вы хотели бы использовать своё свободное от работы время для достижения прогресса в административной работе. Как вам хорошо известно, Адмиралтейство ценит своевременное получение отчетов.

- Я знаю, Спок...

- Хотя вы, конечно, можете держать их в не ведении, как обычно.

Джима неожиданно осенило. «Минуточку, Спок дразнит его? Он просто подшучивает над ним, ради Бога».

Потом капитан задался вопросом, подшучивал ли над ним Спок когда-нибудь раньше, или он просто никогда не замечал этого?

- Я приму ваши рекомендации к сведению, - мягко ответил он, но потом заколебался.

Капитан ненавидел работать с отчётами. - Ух... мне может потребоваться несколько дней, чтобы просмотреть документы и привести их в порядок.

- Я заметил, что вы часто используете прокрастинацию, как форму принятия решений.

«Отлично, теперь Спок повернул против него остриё сарказма. Когда у его первого помощника успело развиться чувство юмора?»

- Вы удивитесь, когда узнаете, как часто это работает, - ответил Джим, не в силах сдержать улыбку.

- Желаю вам хорошо отдохнуть, Джим.

Мысли капитана неожиданно вернулись к другому Джиму Кирку.

Они были разными людьми. Он знал это, и он никогда не пытался быть похожим на него. Он тот, кто он есть. Но, может быть, они не так уж сильно отличаются друг от друга, он и тот, другой капитан.

Впервые за долгое время он не испытывал ни ревности, ни горечи - просто любопытство.

Конец.

Примечание к части

Послесловие от автора: для тех, кто спрашивал, да, у меня есть в работе фанфик по второму фильму, и он пока что на стадии планирования. Слава Богу, последний фильм оставил нам так много сюжетных дыр, что будет несложно заполнить их!

Подобное говорили множество других авторов, помимо меня, но Ваши отзывы действительно поощряют и стимулируют мою музу. Спасибо за чтение!